

ЧУДОДЕЙ

Москва, Советский писатель, 1990

Макса, то есть Максимилиана Александровича, Волошина я знал хорошо, близко, дружески (несмотря на разницу наших лет) в его парижские молодые дни. В течение двух лет он прикатывал к нам на виллу Монморанси почти ежедневно, редко пропуская день-другой. Тогда это был самый жизнерадостный и общительный молодой человек из всей литературно-артистической богемы не только русского (с ним Макс, пожалуй, меньше знал), но и "всего" Парижа. Цвел здоровьем телесным и душевным и так вкусно наслаждался прелестью юного бытия, что даже возмущал некоторых.

-- Помилуйте! -- восклицала М. А. Потапенко (супруга знаменитого романиста). -- На что похоже? Мужик -- косая сажень в плечах, бородища -- как у разбойничьего есаула, румянца в щеках достаточно на целый хоровод деревенских девок, и голос зычный -- хоть с левого берега Сены на правый кричать. А говорит все о мистицизме да об оккультизме -- и таким гаснущим шепотом, словно расслабленный и сейчас пред вами умрет и сам превратится в привидение. Даже не разберешь в нем, что он -- ломается, роль на себя напустил, или бредит взаправду? Чудодей какой-то!

В парижском обществе (кого только Макс в нем не знал и к кому только не был вхож!) Волошин был известен под кличкой "Monsieur c'est tres interessant!" **(Господин "это очень интересно!" (франц.))*. От его манеры откликаться этой фразой, произносимой неизменно в тоне радостного удивления, решительно на всякое новое известие. Это восклицание действительно хорошо -- цельно -- определяло тогдашнее существо: воплощенную жажду жизни, полную кипения и любопытства бытопознания.

Помню курьезный вечер. Бывала у нас, так же, как Макс, ежедневно Ольга Комиссаржевская, сестра знаменитой Веры Федоровны, несколько на нее похожая, воительница "на усовершенствовании" и тоже, как Макс, мистичка, к оккультизму склонная. Но -- полная противоположность Максиму и по наружности, ибо бледностью, худобою и траурным одеянием действительно немного походила на привидение, и, в особенности, по настроению: воплощенное уныние, недовольство, жизнью, испуг перед сложною загадкою бытия.

И вот однажды они, по обыкновению, у нас, но я занят, жена занята, -- остались они вдвоем. Говорить им, по полярному разобщению натур, решительно не о чем. Ольга -- Гераклит, в черном хитоне с воскрылиями, -- мрачно затискала свое слабое тельце в угол дивана. Волошин -- дюжий Демокрит, велосипедист в бархатной куртке и шароварах шириною с Черное море -- бродит по гостиной, светло улыбаясь каким-то своим неведомым, но радужным мечтам. Молчание длится минут пятнадцать. И вдруг слышу -- печальный, не без оттенка презрительного негодования, хрустальный звон:

-- Вы... всегда так довольны собой?

И -- патетический ответ сочного баритона:

-- Всегда!

-- Как это странно!

Я покатылся со смеху: уж очень комичен был контраст. Комиссаржевская ужасно обиделась. Волошин нисколько. Его было очень трудно обидеть, по крайней мере, обидой реальной.

Но однажды он дрался на дуэли с Гумилевым -- за насмешки Гумилева над его фантастической влюбленностью в фантастическую графиню Черубину де Габриак. Такой графини никогда не бывало на свете, но под этим звонким псевдонимом, ловким кокетством по телефону, перекутила и перевлюбила в себя сотрудников "Аполлона" лукавая литературная авантюристка, к слову сказать, оказавшаяся, когда ее обличили, на редкость безобразною лицом. И вот из-за этакой-то "незнакомки-невидимки" стрелялись два поэта! Правда, уж и дуэль была! Над калошей, забытой на месте поединка которым-то из дуэлянтов, фельетонисты и юмористические листки потешались не один год.

Заочный роман с небывалой графиней -- наилучший показатель основной черты в характере М. Волошина, я назову ее "воображательством". Он был честен, правдив, совершенно неспособен обманывать умышленно, лгать сознательно. Но в нем жила непреодолимая потребность "воображать" -- и, совсем вразрез с его жизнерадостностью, воображать по преимуществу что-нибудь жуткое, сверхъестественное, мистическое. Воображал же он с такой силой и яркостью, что умел убеждать в реальности своих фантазий и иллюзий не только других, но и самого себя, что гораздо труднее. Как-то раз я попросил его показать мне "ночной Париж". Он очень серьезно отвечал, что его любимая ночная